

A surreal landscape featuring a large, multi-story Victorian-style house on the right. In the foreground, a person in a dark coat and hat stands on a path, holding a black umbrella. The sky is a vibrant, glowing blue and green, with a bright, circular light source and a large, red, glowing object in the distance. The scene is surrounded by trees with autumn foliage in shades of orange and red. The overall atmosphere is mysterious and fantastical.

Василий Лоренц

**Архивариус
Миров – Сад
Памяти**

Василий Лоренц Архивариус Миров – Сад Памяти

<https://litres.ru/74085328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он верил лишь в логику и факты, пока тени в его доме не начали жить своей жизнью. Древний зонт-трость открыл ему путь в мультивселенную, сделав новым Хранителем Равновесия.

Но чтобы починить сломанный мир, ему пришлось привязать свою жизнь к нестабильному кристаллу. И теперь у него больше нет права на ошибку...

...и нет тени.

Сможет ли он спасти цивилизацию от самой себя? Какую цену придётся заплатить за равновесие?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Василий Лоренц Архивариус Миров – Сад Памяти

Глава

Книга первая.

Архивариус Миров – Сад Памяти.

Он верил лишь в логику и факты, пока тени в его доме не начали жить своей жизнью. Древний зонтирость открыл ему путь в мультивселенную, сделав новым Хранителем Равновесия.

Но чтобы починить сломанный мир, ему пришлось привязать свою жизнь к нестабильному кристаллу. И теперь у него больше нет права на ошибку...

...и нет тени.

***Сможет ли он спасти цивилизацию от самой себя?
Какую цену придётся заплатить за равновесие?***

Глава 1 – Взгляд сквозь тайну

Виктору было тридцать четыре года, и он уже давно привык к тому, что его называют человеком, живущим в прошлом. В буквальном смысле этого выражения, он был архивариусом. Но не таким, которые сидят в государственных хранилищах среди множества стеллажей и папок с архивами, облаченные в униформу из серой пыли и бюрократической тоски. Его архивом был старый дом на окраине города — массивный, деревянный особняк с просевшей крышей и садом, который медленно сдавался под натиском одичавших яблонь и сирени.

Этот дом, вместе с коллекцией обветшалых книг, пожелтевших карт и неразборчивых записок, достался ему от прадеда, профессора истории. Жизнь того оборвалась так же внезапно, как и началась его последняя загадочная работа, оставив после себя лишь стопку недописанных черновиков и репутацию чудака, исчезнувшего при невыясненных обстоятельствах.

Внешне Виктора можно было описать одним словом: «незаметность». Худой, в очках с тонкой оправой, которые постоянно сползали на кончик носа, ссутуленный от вечного сидения над книгами. Бледное лицо человека, который крайне редко бывает на солнце, казалось продолжением выцветших страниц, которые были его единственной компанией. Вдумчивость и сосредоточенность были его основными навыками, отточенными до бритвенной остроты за годы, проведенные в компании мертвых авторов и их мыслей. Он не

верил в мистику, считая её набором суеверий для скучающих домохозяек или сюжетом для третьесортных фильмов ужасов. В его мире существовали только логика, проверенные факты и строгие причинно-следственные связи. Столкнувшись с необъяснимым, Виктор первым делом искал рациональное объяснение: сквозняк, оптическая иллюзия, игра света на пыльном стекле, усталость сетчатки глаза. Именно эти навыки и делали его идеальным исследователем. Он мог часами сидеть над старыми записями прадеда, пытаясь восстановить ход его мыслей по выцветшим каракулям, похожим на след пьяного паука. И именно поэтому то, что начало происходить в этот поздний осенний вечер, так сильно выбило его из колеи. Он не был готов к тому, что его собственный разум — его главный и самый надежный инструмент — может сыграть с ним такую злую шутку.

Тишина в старом доме была особенной. Она не звенела, как это бывает в новых квартирах, ожидая, когда её заполнят звуками телевизора или музыкой. Эта тишина казалась активной, плотской; она поглощала звуки внешнего мира, оставляя внутри лишь глухой, ватный гул в ушах и мерное тиканье старых напольных часов где-то в глубине коридора. Виктор сидел за массивным дубовым столом, доставшимся ему от прадеда, и пытался разобрать его записи. Пыльные, пожелтевшие листы, исписанные выцветшими фиолетовыми чернилами, пахли старой бумагой, сухой землей и чем-то еще... неуловимо сладковатым, как увядшие цветы.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, и длинные, острые тени от ветвей старой яблони за окном расчерчивали комнату на черно-золотые полосы, превращая привычный кабинет в декорацию к готическому роману. Потерев уставшие глаза и потянувшись за следующей стопкой бумаг, скрепленных ржавой скрепкой, он внезапно заметил это.

На долю секунды ему показалось, что одна из теней на стене... дрогнула. Но не так, как дергается тень от качнувшейся ветки. Это было другое движение. Тень словно отделилась от стены, на мгновение став объемной, плотной, черной как свежая тушь, и вытянулась в сторону стола, будто пытаясь коснуться края столешницы жадными, растопыренными пальцами. Он замер. Воздух в комнате стал тяжелым и холодным, словно кто-то открыл окно в морозную ночь. В этой странной, живой тени Виктору почудился контур — не ветки, а скорее человеческой ладони с длинными, нечеловечески тонкими пальцами.

Он моргнул...

Тень снова стала просто тенью. Обычный, неподвижный силуэт ветки на выцветших обоях. В комнате было тихо. Выдохнув, даже не заметив, что задерживал дыхание, Виктор почувствовал, как по спине катится капля холодного пота. «Показалось», - твердо сказал он себе вслух, чтобы звук собственного голоса окончательно прогнал наваждение. Просто переутомление. Слишком много часов в этой пыльной тиши-

не. Слишком глубоко он погрузился в безумные теории своего предка. Виктор даже позволил себе слегка усмехнуться над своей мнительностью, но улыбка вышла кривой и жалкой. Но когда он уже почти убедил себя, что это была игра света и уставшего сознания, периферийным зрением уловил какое-то быстрое движение сбоку. Он резко повернул голову к окну.

На мгновение ему показалось... нет, он был почти уверен... что за мутным, пыльным стеклом промелькнул чей-то высокий, размытый силуэт. Этот образ не прошел мимо, а именно мелькнул, словно кто-то заглянул в окно с улицы, увидел его и тут же отпрянул, растворившись в сгущающейся темноте сада. Сердце забило быстрее, отбивая неровный ритм о ребра. Виктор сидел, не шевелясь, и вслушиваясь в абсолютную тишину дома. Ни шороха сухих листьев под ногами, ни треска гравия на дорожке. Ничего.

Он снова моргнул...

И силуэт исчез. За окном была лишь сгущающаяся синева сумерек, тяжелые силуэты деревьев и первые, робкие звезды. Никого.

Эта секундная галлюцинация сломала что-то внутри его привычного уклада. Логика требовала остаться за столом, списать всё на нервы и продолжить работу. Но иррациональный, первобытный страх, о существовании которого он даже не подозревал, толкал его к действию. Нужно было проверить. Убедиться. Разоблачить обман зрения.

Виктор встал. Ножки стула противно скрипнули по деревянному полу, заставив его вздрогнуть. Он вышел во двор через заднюю дверь кухни. Холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя. Там, в самом центре этого небольшого, запущенного сада, стоял старый колодец. Именно туда, как ему почудилось, метнулся тот подозрительный черный силуэт.

Виктор подошел к самому краю сруба и заглянул внутрь. В нос ударил густой запах сырости, холодной глины и гнили. Колодец был глубоким, и внизу, на дне, не было ничего, кроме водной глади. И на этой безжизненной, черной поверхности происходило нечто невозможное. По воде шла рябь. Но круги на воде расходились не от центра, как бывает от упавшей капли или брошенного камня. Они жили, наоборот. Едва заметная рябь зарождалась у самых краев этого темного зеркала и, вопреки всем законам физики, медленно, но неумолимо стягивались к одной точке в самом центре, словно вода засасывала сама себя в бездонную воронку.

Архивариус не поверил своим глазам. Он потрянул головой, пытаясь сбросить наваждение, зажмурился и посмотрел снова... и все исчезло. Вода вновь была неподвижным, черным зеркалом, в котором отражались лишь первые, тусклые звезды.

— Хватит, — прошептал он в пустоту сада. Голос прозвучал хрипло и неуверенно. — Хватит с меня на сегодня. Пора спать. Завтра всё это покажется просто глупым кошмаром.

Он развернулся и быстрым шагом направился к дому, чув-

ствуя, как ледяной ужас отпускает его, уступая место стыду за собственную трусость. Он захлопнул за собой дверь, провернул ключ в замке и для верности подпер ручку спинкой старого венского стула. Только оказавшись в своей комнате, он позволил себе выдохнуть и перевести дух. Виктор рухнул на кровать прямо в одежде, закрыл глаза и приказал себе спать.

Сон не шел. Вместо спасительной темноты перед внутренним взором снова и снова возникала воронка, стягивающая воду к центру. Он перевернулся на другой бок и с тоской посмотрел на часы: полночь. Комната была залита мертвенным лунным светом. Сон казался далеким и недостижимым. «Чаю», — решил он. — «Травяного. С ромашкой». Это всегда помогало ему успокоиться.

На кухне он щелкнул выключателем. Свет вспыхнул и тут же погас с сухим щелчком пробки. — Только не это, — простонал Виктор.

Он пошарил в ящике буфета в поисках спичек. На полке стояла одинокая свеча в медном подсвечнике — наследство от прабабушки. Он зажег фитиль, и по стенам заплясали теплые, живые тени, гораздо более дружелюбные, чем те, что он видел в кабинете. Виктор поставил на плиту чайник со свистком — даже в темноте он должен был слышать, когда вода закипит.

В ожидании он подошел к окну. Сад тонул в серебристом тумане. Ничто не нарушало покоя ночи. Чайник начал ти-

хонько гудеть, набирая силу. Виктор отвернулся от окна и сделал шаг к плите.

И тут его нога зацепилась за что-то твердое на полу. Он потерял равновесие и с коротким вскриком полетел вперед. Мир перевернулся. Свеча отлетела в сторону и погасла. Несколько секунд Виктор лежал неподвижно, приходя в себя и пытаясь понять, что именно стало причиной его неожиданного падения. Он пошарил рукой по полу рядом с собой и наткнулся на холодный металл и гладкую ткань.

Это был Зонт.

В его кухне? Откуда? У него никогда не было зонта-трости, он предпочитал компактные складные модели, которые клал в рюкзак. Этот же был старым, классическим, с массивной деревянной ручкой, отполированной временем до темного блеска. Чайник на плите победно засвистел.

Виктор поднялся на ноги, потирая ушибленное колено, и нашарил в темноте спички. Когда свеча снова загорелась, он поднял зонт. Поднес его ближе к свету. На черной ткани купола виднелась едва заметная вышивка — стилизованный знак бесконечности или... восьмерка, лежащая на боку? Любопытная вещица, подумал он. Наверное, забыл кто-то из гостей прадеда сто лет назад.

Внезапно ручка зонта в его ладони дрогнула. Она не просто завибрировала — она начала медленно нагреваться, становясь неприятно горячей, а затем... завибрировала с такой высокой частотой, что её стало почти невозможно удержать.

Виктор попытался разжать пальцы, но они словно прилипли к дереву, мышцы свело судорогой.

— Что за... — только и успел выдохнуть он.

Пространство вокруг свечи пошло знакомой уже рябью, как вода от брошенного камня. Но эта рябь не гасила пламя, а наоборот, втягивала его в себя вместе со светом, превращая кухню в кокон из жидкого золота и черноты. Зонт в руках Виктора раскрылся сам собой с сухим щелчком спиц, хотя над головой был лишь низкий потолок кухни.

Это было не падение на пол. Это было падение сквозь пол.

Ощущение было сродни тому, как если бы его засасывало в гигантскую центрифугу из света и тьмы. Он летел вниз по спирали, а мимо проносились смазанные образы: египетские пирамиды под палящим солнцем; средневековый замок во время осады; неоновые вывески футуристического мегаполиса; доисторические джунгли, где ревут невидимые чудовища... Голова кружилась так сильно, что желудок подкатил к горлу.

А затем — резкий удар о что-то твердое.

Глава 2 – Лавка между мирами

Виктор лежал на спине на неровной брусчатке. Над ним был не ночное небо его сада, а низкий, сколоченный из грубых досок потолок какой-то лавки. Пахло странно: терпкой смесью сырости, старых книг, восточных пряностей и чего-то острого, пряного и очень вкусного, отчего пустой же-

лудок немедленно сжался в голодном спазме.

Он сел и огляделся. Помещение было тесным и доверху забитым самым невероятным хламом, который только можно было представить. Казалось, здесь собрали экспонаты из десятка разных музеев и свалили их в одну кучу. На полках вперемешку стояли медные астрольбии, покрытые патиной времени, ржавые рыцарские шлемы с опущенными забралами, банки с заспиртованными существами неведомой природы, чьи щупальца безвольно свисали в мутном растворе, и древние фарфоровые куклы с пустыми, нарисованными глазами.

Прямо перед ним стоял прилавок из темного дерева, отполированный локтями тысяч посетителей. А за прилавком...

— Добро пожаловать! — жизнерадостно произнес молодой человек азиатской внешности с ярко-розовыми волосами, собранными в небрежный хвостик на макушке. Он как ни в чем не бывало вытирал полотенцем глубокую глиняную миску. — Ты как раз к рамену! Я только что заварил новую порцию бульона на тигровых костях.

Виктор медленно перевел взгляд с улыбающегося продавца на дымящуюся миску перед ним. В густом янтарном бульоне плавали идеальные нити лапши, ломтики нежнейшей розовой свинины *чашу* и половинка вареного яйца с идеально застывшим, золотистым желтком.

— Я... я упал... — хрипло произнес Виктор, все еще сжимая в руке тот самый зонт-трость, который теперь выглядел

просто мокрым от кухонного пола.

— Ага! — радостно кивнул продавец. — Так все говорят! Это самый популярный способ попасть сюда после «я зашел за солью». Классика! Я — Кай. А ты кто? Архивариус? По тебе видно!

Виктор посмотрел на свой помятый домашний халат поверх пижамы, потом на зонт в своей руке... потом снова на миску с дымящимся ramen. Его разум был слишком перегружен событиями последних минут, он отказывался анализировать ситуацию. Да и что тут было анализировать? Хотя он и был человеком с аналитическим складом ума, верившим в логику и причинно-следственные связи, сейчас вся его логика была разбита вдребезги. Она не могла объяснить, как он, в пижаме и халате, оказался в лавке какого-то безумного коллекционера после падения сквозь пол на собственной кухне.

Рука с зонтиком безвольно опустилась на стойку. Деревянная ручка всё ещё хранила тепло и едва уловимую вибрацию, словно внутри билось чьё-то сердце. Виктор поднял взгляд на Кая. Продавец больше не улыбался. Он смотрел на зонт с таким благоговейным трепетом и страхом, с каким смотрят на извергающийся вулкан или на внезапно появившуюся в небе вторую луну.

— Откуда... Откуда у тебя это?

Кай медленно обошел прилавок, не отрывая глаз от артефакта. Он двигался осторожно, словно боялся спугнуть ди-

кого зверя.

— Ты... ты хоть понимаешь, что держишь? — прошептал Кай, остановившись в паре шагов. — Это же... это же не просто ключ. Это Артефакт для связи с разными мирами. Я думал, это легенда. Сказка для новичков.

Виктор крепче сжал рукоять. Зонт, словно почувствовав его страх или гнев, отозвался новой волной тепла.

— Я нашёл его у себя дома. На кухне. Он... он меня уронил. А потом... потащил за собой.

Кай издал звук, похожий на смесь восхищенного выдоха и всхлипа.

— Он тебя выбрал. Это не ты его нашёл. Это он тебя призвал. Такие артефакты не лежат без дела. Они ждут своего Хранителя веками. И когда находят... — Кай кивнул на всё ещё открытый купол зонта, — ...они открывают путь не в один мир, а во все сразу. Ты теперь не просто путешественник. Ты — Странник Миров.

Слова «Странник Миров» эхом отдались в голове Виктора. Это звучало так... весомо. Так окончательно. Словно кто-то поставил печать на его старой, скучной жизни и объявил её недействительной.

Виктор посмотрел на свои руки: одна всё ещё сжимала пульсирующий артефакт, другая непроизвольно тянулась к миске с ramen. Горячий пар согревал лицо. Желудок предательски заурчал, напоминая о том, что он так и не успел поужинать перед своим падением в бездну.

Он глубоко вздохнул. Логика была мертва. Реальность переписывалась у него на глазах.

— Ладно, — хрипло сказал Виктор, беря палочки для еды. Рука больше не дрожала. — Я... Странник Миров. И я чертовски голоден. Расскажи мне всё, что тебе известно про этот древний артефакт.

Кай расплылся в своей прежней, широкой и немного сумасшедшей улыбке. — Вот это правильный настрой! Садись поудобнее. История будет долгой. А для начала тебе нужно знать главное: твоя кухня теперь официально считается точкой входа. И у тебя есть работа.

Глава 3 – Тяжесть выбора или сны иных миров

Виктор не стал спорить. Он послушно опустился на высокий табурет у стойки, который жалобно скрипнул под его весом. Палочки в пальцах казались чужими и неудобными инструментами для еды, но стоило ему зацепить первую порцию лапши, как пальцы сами подсказали, как обращаться с этим необычным столовым прибором. Горячий, обжигающий бульон с нотками имбиря и соевого соуса прокатился по пищеводу, согревая изнутри и прогоняя остатки ледяного ужаса от падения. Вкус был откровением. Виктор, человек, привыкший к растворимому кофе и бутербродам с колбасой, замер с палочками в руке. Бульон, насыщенный и густой, обволакивал язык сложным букетом: глубокая, костная сытость, легкая копченость, пряный жар имбиря и сладкое

послевкусие, природу которого он не мог определить. Это было не просто утоление голода. Это была анестезия для его измученного разума. Каждая порция возвращала ему ощущение реальности, пусть и совершенно новой.

Кай, облокотившись о прилавок напротив, не сводил глаз с зонта-трости, который Виктор положил рядом с собой. Деревянная ручка всё ещё слабо пульсировала тусклым внутренним светом, словно засыпающий уголь.

— Так значит... Чувство сытости принесло с собой не сонливость, а ясность, — Виктор отложил палочки. — Я теперь «Странник Миров». И у меня есть работа. Какая именно? Разносить посылки между вселенными?

Кай фыркнул, но без тени веселья. — С чего начать... — задумчиво протянул он, потирая подбородок полотенцем. — Это древняя вещь. Старше этого мира, старше многих других. Её называют «Артефакт Памяти».

Он сделал паузу, давая Виктору осознать услышанное. — Твоя настоящая работа — быть Хранителем Равновесия. Этот зонт — не просто ключ. Это якорь. Он удерживает нити мироздания в определенном порядке. Без таких, как ты, миры начнут сталкиваться. Границы истончатся, и в твою уютную кухню может затянуть не только раменную лавку, но и что-нибудь похуже. Например, голодного демона из нижних миров или боевой крейсер Империи Альфа-Центавра.

Виктор почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с кондиционером в лавке. — Он не

просто открывает двери между мирами. Он хранит их историю. Каждую трещину, каждый шрам, оставленный временем.

Виктор замер, так и не донеся палочки до рта. Мысли в голове начали выстраиваться в новую, пугающую логическую цепочку. — Ты сказал, он показывает прошлое? — тихо спросил архивариус. Его профессиональный интерес, привычка искать факты и связи, брали верх над первобытным страхом.

— Именно, — кивнул Кай.

— Нет, я не могу, — твердо сказал он. — Я историк. Я разбираюсь в фактах прошлого, а не в магии настоящего. Я даже не верю... не верил в это до сегодняшнего вечера. Это какая-то ошибка.

— Ошибки не бывает, — отрезал Кай. Голос его стал жестким и деловым. — Артефакт тебя выбрал. И он уже изменил тебя. Вспомни свой дом.

Виктор нахмурился. — Что с ним?

— Тени на стене. Силуэт за окном. Рябь в колодце, идущая к центру, — перечислил Кай, загибая пальцы. — Это были не галлюцинации от переутомления. Это были первые признаки истончения реальности вокруг твоей точки входа.

Слова Кая обрушились на Виктора ледяным водопадом, смывая остатки скептицизма. Все странности вечера выстраивались в единую, пугающую логическую цепь.

Кай продолжил: — Артефакт реагирует на мысли того,

кто его держит. На самые сильные желания, страхи или вопросы. Если ты захочешь узнать, откуда взялась эта вещь, она покажет тебе своё рождение. Если спросишь, что случилось в месте, куда ты попал, — покажет ключевые моменты прошлого этого места. Но есть цена. За каждое такое видение артефакт забирает частицу твоей энергии. А если эмоция будет слишком сильной... он может показать то, к чему ты совершенно не готов.

В лавке стало душно. Воздух загустел, наполнившись запахом озона и влажной земли после грозы. Виктор почувствовал, как внутри поднимается волна гнева. Гнева на эту нелепость, на этот зонт, разрушивший его упорядоченный мир.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор? — мягко спросил Кай. — Артефакт выбрал тебя не потому, что ты самый сильный маг или храбрый воин. Он выбрал тебя именно из-за твоего склада ума. Из-за твоей памяти. «Артефакт» — это не просто ключ. Это архив. Но архив сломанный, фрагментированный. Каждый предыдущий Хранитель оставлял в нём свой след, свою боль, своё предательство. И теперь всё это перемешалось, создавая хаос.

Виктор нахмурился. Профессиональный интерес снова взял верх над растерянностью. — Предыдущий хранитель... Что с ним случилось?

Ты хочешь знать, что стало с прежним хранителем? — Кай сделал паузу и тяжело вздохнул, как будто собирая воедино

осколки чужой, давно забытой трагедии. — Его звали Иллюмин.

Он не был человеком. Он был из расы Алмазных провидцев. Их цивилизация зародилась в недрах далекой звезды, где материя сжата до плотности алмаза, а время течет иначе. Они были существами чистой логики и геометрии. Высокие, стройные, с острыми гранями на плечах и скулах. Их кожа была белой, как отполированный кварц, и казалась полупрозрачной, а внутри неё иногда можно было увидеть медленное течение световой энергии. Но их глаза... это были их истинные окна в мир. Огромные, лишённые век и зрачков, чёрные как космический вакуум. В этой абсолютной тьме вечно и неподвижно горели холодные искры далёких созвездий. Они не видели свет так, как мы; они читали саму структуру реальности, видя вероятности и причинно-следственные связи как переплетающиеся нити.

Их мир был миром абсолютного порядка и тишины. Эмоции были для них неизвестной величиной, а хаос — математической ошибкой. Иллюмин был одним из них — Хранителем Равновесия, чьей задачей было просчитывать вероятности и устранять хаотичные переменные.

Но его мир был слишком стабилен. Его отправили в другой — в мир, похожий на наш, где хаос и случайность правили балом. Его миссия была проста: восстановить равновесие.

И там он встретил их. Местных жителей. Это были Ул'Тари, Дети Вечной Ночи.

В отличие от его расы, они были воплощением жизни в её самой дикой форме. Они были гуманоидами, но их тела покрывала короткая, густая шерсть цвета воронова крыла, поглощающая свет. У них были длинные, мощные конечности и чуть сутулая осанка прирождённых охотников. Их лица с высокими скулами и приплюснутыми носами напоминали морды ночных хищников.

Они жили племенами в глубоких пещерах и каньонах, куда никогда не проникал свет солнца. Их жизнь была борьбой за выживание во тьме. Они не знали логики и математических расчетов. Они жили инстинктами, ритуалами и волей своего вождя.

И вот среди этих Детей Вечной Ночи он увидел их вождя. И это стало его концом.

Вождя звали Мор'Хан, что означало «Несокрушимый». Он был гигантом даже по меркам своего народа. Его тело было усыпано шрамами от когтей пещерных тварей. Но его авторитет держался не на силе. Мор'Хан был Чувствующим. Он мог положить руку на каменную стену и ощутить дрожь земли за многие мили, предсказать обвал или приближение врага. Он вёл свой народ не расчётами, а чутьём.

Впервые за своё вечное существование Иллюмин испытал нечто, что не поддавалось вычислению. Он не приклонил колени в буквальном смысле, но его разум склонился перед чужой отвагой. Он был поражён тем, как этот смертный вёл свое племя за собой, как был готов пожертвовать собой ра-

ди их благополучия. Это было иррационально, нелогично... и прекрасно. Для него это было нарушением всех законов вселенной.

Иллюмин стал тайным хранителем племени. Он просчитывал пути миграции подземных червей так, чтобы охота была безопасной. Он отводил племя от зон геологической нестабильности, которые Мор'Хан лишь смутно ощущал как «недоброе место». Он видел в них не дикарей, а сложную систему со своими законами выживания.

Но время неумолимо даже для математических гениев. Мор'Хан старел. И однажды Иллюмин с абсолютной точностью вычислил дату его смерти от старости. Эта зима станет для него последней.

В этот момент логика дала сбой. Чтобы спасти друга, он обратился к Артефакту. Он попытался переписать фундаментальный закон бытия этого мира — время. Но сила была слишком велика для одного разума и одного сердца. В попытке спасти одну жизнь он обрушил весь мир.

Реальность треснула и рассыпалась на части.

И тогда в его безупречной кристаллической душе пробудился гнев — холодный, всеокрушающий гнев на несправедливость бытия. Артефакт ответил на этот всплеск энергии. Он выжег душу самого Иллюмина изнутри. Его физическая оболочка распалась в прах за считанные секунды под действием собственной же силы.

От него не осталось ничего материального. Лишь тень.

Тень воспоминаний о дружбе и предательстве надежды, которую хранит в себе Артефакт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.